

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Дайдодзи Юдзан — самурай, историк и философ, живший в XVII—XVIII вв., в своем «Будосёсинсю» — «Напутствии вступающему на Путь Воина», категоричен: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить — помнить днем и ночью, с того утра, когда он берет в руки палочки, чтобы вкусить новогоднюю трапезу, до последней ночи старого года, когда он платит свои долги, — что он должен умереть. Вот его главное дело».

Ему вторит и Ямамото Цунэтомо: «Путь самурая обретается в смерти. Когда для выбора имеются два пути, существует лишь быстрый и единственный выход — смерть. Это не особенно трудно. Будь тверд в своей решимости и иди вперед.

Рассуждения о том, что умереть, не достигнув своей цели, значит умереть собачьей смертью, — это досужая болтовня себялюбивых людей.

Когда ты стоишь перед необходимостью выбрать жизнь или смерть, то достигнешь ты своей цели или нет, уже не важно».

Что же это? — философия смерти? Нет — философия готовности к смерти. А это — совершенно разные вещи. О том же говорит Сиба Ёсимаса, полководец и поэт XIV—XV в.: «Многие люди полагают, что надлежит действовать в соответствии со временем и обстоятельствами и потому пребывают в смятении, когда неожиданно возникают трудности. В высшей степени достойно сожаления, если самурай упускает момент, когда ему следует умереть. Поэтому сказано, что готовность умереть у воина и монаха должна быть одинакова.

Печально, если при любых обстоятельствах разум воина неспокоен».

Самурайские традиции — и рациональность: на первый взгляд кажется, что эти понятия несовместимы. Однако Кодекс самурая учит не торопиться с выводами.

Рациональна жизнь — как поиск славы и достойного противника, рациональна битва — как слаемое искусства полководца и сотен и тысяч малых побед, рациональна смерть — как готовность умереть в любой момент.

Рациональны даже опадающие цветы сакуры на рассвете — как следствие смены времени суток и поры года, как неизбежность увядания всего сущего...

Таков Путь Воина. Вступивший на него должен был строго соблюдать правила — Кодекс самурая, Бусидо. Это поразительный документ: его никто никогда не писал как единое целое — он существует как плод коллективного разума.

Он никогда не был официально обязателен к исполнению — но ему беспрекословно следовали поколения воинов. Его положения суровы и даже жестоки — но это удивительно человеческая книга, которая учит состраданию к ближнему. Простые, если не сказать банальные, истины —

«Самурая необходимо воздерживаться от неправильного и стремиться к правильному» — но при этом глубочайший философский смысл, не подвластный времени и переменам...

Загадочная Япония... Написав сакраментальные два слова и поставив дежурное троеточие, авторы многих книг и статей о прошлом Японии настраивают читателя на соответствующий лад: мол, сейчас вас ждет возведенная в высшую степень, до безумия, преданность и разумом необъятная жестокость в сочетании с готовностью легко пожертвовать как своей жизнью, так и жизнями других.

Все так — и одновременно не так. Загадочность, действительно, имеет место быть — но только в отрыве от контекста места и времени. То, что нам кажется странным, неприемлемым и местами ужасным, для японцев в прошлые века считалось обыденным и простым.

Но вот одна история:

«Тем временем вступивший на Путь Сакураяма Сиро, заняв только половину провинции Бинго, считал, что он пересечет Биттю и сможет усмирить провинцию Аки. Когда же пронесся слух, что и замок Касаги пал, и Кусуноки покончил с собой, все войска, следовавшие за ним, разбежались. Теперь с ним остались сородичи, неразрывно между собой связанные, и двадцать с лишним молодых вассалов, которые издавна служили ему.

В последние годы вне власти, захваченной в старину воинскими домами, не осталось и малой толики земли во всех Девяти провинциях среди Четырех морей, поэтому их не могли спрятать у себя даже близкие люди, а мало знакомых тем более нельзя было об этом просить. Чем попадать в руки чужих людей, которые выставят напоказ его труп, Сакураяма направился в главное святилище своей провинции, предал смерти любимого сына, которому исполнилось восемь лет, и свою верную жену двадцати семи лет. Потом развел на алтаре святилища огонь, сам себе взрезал живот, а двадцать три его сородича и молодых вассала — все превратились в пепел.

Итак, если спросить, почему Сакураяма из множества мест именно этот алтарь избрал, чтобы на его огне сжечь свое тело, выяснится, что этот Вступивший на Путь долгие годы преклонял голову в данном святилище

Мияо Эйсукэ.
Скульптура самурая в полном боевом облачении.
Бронза. Конец XIX в.

и скорбел о том, что передняя его часть слишком повреждена. Сакураяма дал обет восстановить ее, а поскольку это была большая работа, у него было просто желание и не было сил. И к теперешнему заговору он присоединился исключительно для того, чтобы выполнить этот обет.

Однако не встретились ли здесь боги с непочтительностью? Обет выполнен не был, а человек захотел умереть.

Но он при этом думал: «Если мы сожжем это святилище, то и придворным вельможам, и воинским домам ничего другого не останется, как распорядиться каким-то образом восстановить его. Пусть сам я упаду на дно преисподней, я не буду страдать, если обет исполнится. Поэтому я с отважным сердцем сжигаю себя на алтаре святилища. Если все больше думать о милосердии будд и бодхисаттв, явленных в этом мире в других ипостасях, хорошее и дурное связаны и равно являются средствами спасения, поэтому, совершив грехи в этой жизни, я встречу благо в грядущей. Думаю, что это желание не мелкое».*

Таких историй за века существования самурайства как явления насчитываются тысячи. В данном случае описан один из эпизодов гражданской войны в Японии во второй половине XIV в. И на первый — поверхностный — план выходит «субкультура»: некий воин, попав в безвыходное положение, убивает не только себя, но и ребенка и жену, а вместе с ними кончают жизнь самоубийством два десятка вассалов.

Подобная жестокость шокирует сегодняшнего цивилизованного читателя. Но, во-первых, у каждого времени — свои понятия; и кто сказал, что наши нравы и обычаи, которые мы считаем просвещенными, не покажутся потомкам через несколько столетий верхом жестокости?

Во-вторых, нужно помнить, что самурай, осознавая, что его душа уже не может оставаться в теле, вспарывал себе живот потому, что, согласно учению дзен,местилищем души было не сердце, а брюшная полость. Таким образом, сэппуку, кажущееся сейчас актом бессмысленной жестокости по отношению к самому себе, с точки зрения японца было вполне осмысленным и даже прагматичным действием.

В-третьих — честь и преданность сюзерену. Всеволод Овчинников, известный журналист-международник и писатель, труды которого о Японии в советское время были одним из немногих источников знаний о Стране восходящего солнца, в книге «Ветка сакуры» писал: «Краеугольным камнем японской морали служит верность, понимаемая как долг признательности старшим... Почитание родителей, а в более широком смысле покорность воле старших — вот в представлении японцев самая важная моральная обязанность человека. Преданность, основанная на долге признательности, является для них первойшей из добродетелей.

Преданность семье, клану, государству должна быть беспредельной и безоговорочной, то есть человек обязан подчиняться воле старших и вышестоящих, даже если они не правы, даже если они поступают вопреки справедливости.

В этом наиболее существенное изменение, которое японцы внесли в заимствованную ими древнекитайскую мораль. Учение Конфуция основывалось на том, что сын должен быть сыном, а отец — отцом; подданный — подданным, а повелитель — повелителем. Это значит, что сыновней почтительности достоин лишь хороший отец, что на преданность младших или нижестоящих вправе рассчитывать лишь тот, кто сам человеколюбив и милосерден по отношению к ним.

* Цитируется по изданию: Японские самурайские сказания.— СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

Японцы, стало быть, выхолостили принцип “жень” (гуманность, человечность), служивший в древнекитайской морали стержнем человеческих взаимоотношений. В японской трактовке принцип этот низведен до уровня благотворительности, то есть черты пусть даже похвальной, но не обязательной; черты, которая воплощает добрую волю человека, выходящую за рамки его прямых обязанностей».

Остается только добавить: не важно, о чем идет речь — о том, как ронины вспарывали себе животы во имя своего господина, или о том, как современные японцы-трудоголики теряют сознание (а то и жизнь) во имя процветания своей компании. Последняя обычно, в свою очередь, нанимает их пожизненно, что придает трудовым отношениям и даже взаимоотношениям вне работы особый оттенок. Преданность клану — незыблема, и для японцев это аксиома вне времени.

В-четвертых, нужно отметить, что смерть для самурая — ни в коем случае не самоцель, делать сэппуку без крайней на то необходимости — удел людей неумных, чаще всего этим «страдали» молодые воины. Об этом превосходно написал Нитобэ Инадзо в книге «Дух Японии. Бусидо» (большой фрагмент из нее публикуется в данном издании в качестве приложения): «Истинное достоинство заключается в исполнении велений Небес: нет позора в том, чтобы умереть по воле Неба, но умереть, чтобы избежать уготовленного Небесами, — поистине трусливо!»

И, наконец, пятое — и самое главное: вступивший на Путь Воина обязан по нему следовать, неукоснительно следуя правилам. И путь этот называется Бусидо.

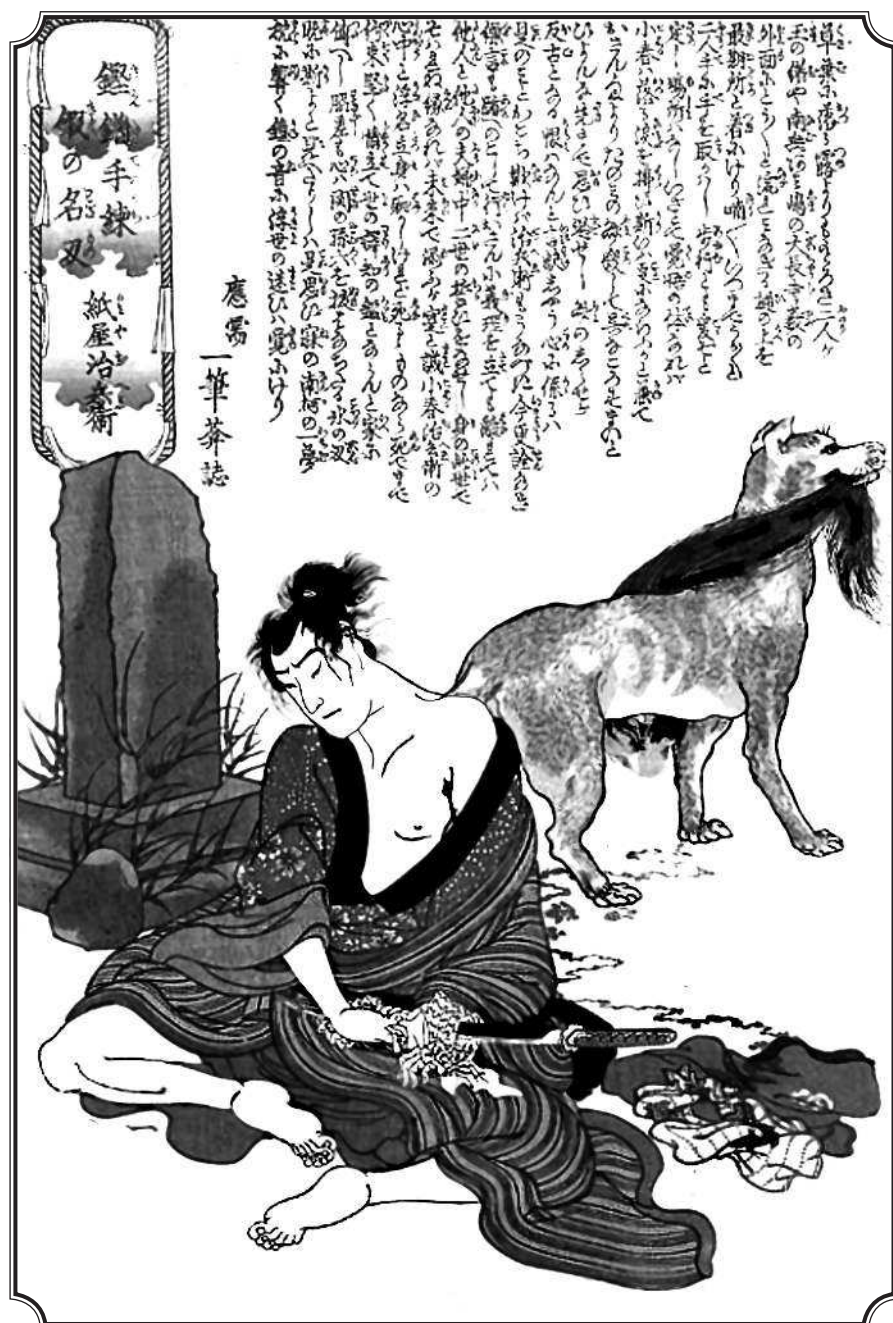
* * *

Образ самурая — один из самых раскрученных и растиражированных в современной массовой культуре. И, как это почти всегда бывает в таких случаях, истинная природа образа или явления остается за кадром. Причем, не только в переносном, но и в прямом смысле: в современном обществе подавляющая часть знаний поглощается в виде видеоинформации, а уж фильмов про самураев снято великое множество. Вот и выходит «масс-культурная формула» самурая: некий полумифический персонаж, безжалостный убийца (конечно, с четко расставленными акцентами: «убийца хороший» и «убийца плохой»), в совершенстве владеющий боевыми искусствами и «одним махом семерых побивахом».

На самом деле, самурайство, как и его история, — рационально, его возникновение и развитие имеет вполне реальные основы и факторы: географические, исторические, социальные.

Япония — страна островная, расположенная вдалеке от европейской цивилизации, что долгое время обеспечивало ее замкнутость и особый путь развития. Более того, районы страны были отделены друг от друга проливами и горными цепями, а такие географические условия естественным образом предопределяют клановость.

А клановость, вне зависимости от исторического периода, подразумевает борьбу. «Несмотря на выгодное географическое положение, — пишет британский академик, историк и писатель, один из ведущих специалистов в области военной истории Востока Стивен Тёрнбулл, — творцы Японии

鑓
の
名
又
紙
屋
治
齋

應
需
一
筆
茶
誌

道平、小次郎、藤十郎、三入、
三の傳、南無の場の大長、
外、面、小、と、流、と、と、と、と、
最、舞、所、と、着、み、け、り、嘯、く、の、う、さ、ら、る、
二、八、半、ふ、ま、と、辰、う、り、お、け、と、と、と、と、
定、一、場、所、は、り、の、さ、を、愛、持、り、は、る、れ、や、
小、春、は、は、は、は、は、は、は、は、は、は、は、は、は、
か、ら、ん、ふ、り、た、り、の、さ、を、愛、持、り、は、る、れ、や、
ひ、り、ん、ふ、ま、と、辰、う、り、お、け、と、と、と、と、
反、古、と、う、る、眼、は、ん、と、と、と、と、と、と、
見、の、も、と、と、と、と、と、と、と、と、と、
標、章、と、と、と、と、と、と、と、と、と、
他、人、と、他、人、の、夫、婦、中、二、世、の、世、を、を、を、
そ、の、ま、の、標、章、は、未、だ、で、濁、り、を、愛、持、り、は、る、れ、や、
心、中、と、は、な、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、
作、業、と、と、と、と、と、と、と、と、と、
心、中、と、は、な、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、
心、中、と、は、な、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、
心、中、と、は、な、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、
心、中、と、は、な、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、ま、

Самурай Камия Дзихэй готовится совершить сэппуку.
На заднем плане собака тащит голову его возлюбленной Кохару.
Японская гравюра XIX в.

создали страну, пригодную только для героев. Сама форма островов представляет собой препятствие для сообщения. По капризу лукавых богов, 80 % суши занимают горы, около 600 из них возвышается не менее чем на 2000 метров, а одна, легендарная Фудзи, достигает 4000 метров. В горах множество быстрых речек и чистых озер, они покрыты густой растительно-

Тоётоми Хидэёси
(1537–1598)

стью. Добавьте сюда еще климат с жарким влажным летом и снежной зимой, с бурной весной и меланхоличной осенью. Оставшиеся 20 % плодородных земель распределите всего между тремя областями, прибавьте периодические землетрясения и тайфуны, напоминающие местным жителям о невидимой длани Творца, и вы получите страну, которая с борта современного самолета смотрится как кусок измятого зеленого бархата. К тому же в то время, о котором пойдет речь, элементарная проблема выживания уже имела отенок приключения».*

В историческом плане развитие самурайства связано со становлением феодализма на Японских островах, развивавшегося по тем же принципам, что и в других странах Западной Европы и Азии. Обитатели южных и центральных районов острова Хонсю постепенно проникали на север, захватывая земли коренных жителей — айнов.

Перераспределение захваченных земель привело к появлению крупных феодалов — даймё (в буквальном переводе с японского — «великое имя»). Даймё требовались дружины, которые защищали бы их владения от айнов и войск других княжеств, а также подавляли крестьянские бунты. Но больше всего требовалось воинов в период гражданской войны.

Конец XII в. ознаменовался противостоянием кланов Тайра и Минамото, или Войной Гэмпэй. Поначалу верх одерживали Тайра, но затем, когда во главе противоборствующего клана встал Минамото-но Ёримото, ситуация изменилась и в итоге гражданская война закончилась полной победой Минамото. После победы Ёримото взял себе титул «сэйи-тайсёгун» («великий полководец, карающий варваров») и стал, таким образом, основателем и первым правителем сёгуната — первого всеяпонского самурайского правительства.

Период от установления первого сёгуната до конца XV в. считается «золотым веком» самурайства. Официально верховная власть в стране принадлежала императору, однако он, под угрозой «добровольного» отречения, был лишь марионеткой в руках сёгуната. Реально в Японии правили самураи, предводимые наивысшим в иерархии самураем и главным министром в одном лице — сёгуном.

Воины требовались всем и в большом количестве. Даймё стремились возвеличиться, что вызывало междоусобицы, а значит — работу для самураев. Впрочем, самураи не были исключительно воинами. Слово «самурай» (сабурай) образовано от глагола старояпонского языка «сабурахи» и имеет следующие толкования: «служить великому человеку, человеку высшего сословия», «служить хозяину, защищать хозяина».

Самураи выполняли функции телохранителей, а в повседневной жизни — и слуг своего господина. Иногда с термином «самурай» отождествляют слово «буси» (воин), но все же буси — более широкое понятие, и оно не всегда относилось к самураю.

Клан Минамото, быстро возвысившись, столь же быстро пришел в упадок. Вскоре власть в стране перешла к представителям другого влиятельного клана — Ходзё. Интересно, что Минамото номинально продолжали

* Здесь и далее цит. по: *Тёрнбулл Стивен. Самураи. Военная история.* — СПб.: Евразия, 1999.

富士山景
駿州
紅尾

赤尾有富士

*Кацусика Хокусай. Бухта Эдзире в провинции Сунсю.
Гравюра из серии «36 видов Фудзи». 1854—1858 гг.*

оставаться сёгунами, Ходзё же принимали титул «сиккэн» — регента. Но это было только формальное соблюдение традиций и в итоге сложилась «двойная марионеточная система» — Ходзё управляли Минамото, а через них — императором. Впрочем, для самураев эта ситуация в корне ничего не меняла.

На «золотой век» самурайства пришлась и единственная в Средние века попытка внешнего вторжения в Японию — в 1274 и 1281 гг. на Японские острова стремилась высадиться армия внука Чингисхана, правителя монголо-корейско-китайской империи хана Хубилая.

В этой ситуации самураи продемонстрировали, что могут не только веками воевать друг с другом. Как отмечал Стивен Тёрнбулл: «Это был первый случай в истории Японии, когда самураи выступили как ядро японского общества, когда японцы консолидировались и осознали себя единой нацией». Когда же угроза вторжения миновала, самураи вернулись к привычному делу — службе своим сюзеренам и войне между кланами.

В определенном смысле японские самураи были схожи с кондотьерами. Монархи маленьких европейских княжеств и герцогств XIV—XVI вв. нуждались в военной силе, нанимали ее извне, заключая с руководителями вооруженных отрядов договора — кондотты. Но если моралью кондотьеров были исключительно деньги (потому-то они часто переходили на сторону противника, который просто платил больше), то моралью самураев было Бусидо.

* * *

Что же такое Бусидо? Для начала обратимся к этимологии понятия. Исследователь Т. Улищенко определяет ее следующим образом.

«Слово бусидо состоит из трех иероглифов. Первые два составляют слово буси — единственное слово из нескольких имеющихся в японском языке для обозначения понятия, наиболее точно передающего сущность воина.

В первом иероглифе “бу” ключом является иероглиф со значением “останавливать”. А второй частью знака — сокращенный вариант идеограммы, обозначающий “копье”.

Древний китайский словарь Шу Вэнь дает следующее пояснение: “Бу заключается в способности подчинить себе оружие и, следовательно, остановить копье”. В другом древнекитайском источнике (Книге Цзы Чуань) мы находим более подробное толкование, в котором говорится, что бу включает в себя бун, то есть литературу, каллиграфию, и в более широком смысле все невоенные искусства. Бу запрещает насилие и подчиняет оружие — “останавливает копье”.

Иероглиф “си” в современном японском языке имеет значение “военный”, “воин”, “мужчина” и даже “благородный человек”. А первоначально, в Китае, этим словом определялись люди, которые обладали мастерством в определенной сфере и занимали свое положение в обществе благодаря учености, однако готовы были взять в руки оружие, когда это необходимо. Таким образом, буси — это человек, способный сохранять мир как с помощью искусства, так и военными средствами.

Третий иероглиф — “до” — обозначает Путь — важнейшее для большинства восточных философий понятие, в данном случае объединяющее

эти на первый взгляд несовместимые качества — бун и бу, в образе жизни «идеального» человека»*.

Следует отметить, что существуют и иные трактовки этимологии слова «бусидо», однако в целом они в той или иной степени схожи с приведенной выше.

Возможно, для людей, хорошо знакомых с историей Японией, самураев и Бусидо, сказанное далее покажется банальностью, однако для тех, кто только приступает к данной теме, отметить это будет не лишним. Так вот, Бусидо — не какой-то единый свод, документ, кодекс. Бусидо размыто во времени и пространстве. «Бусидо,— писал Нитобэ Инадзо,— творение не одного ума, как бы ни был он велик, и не результат жизни отдельной личности, сколь бы ни была она известна. Это органичный продукт опыта веков воинского искусства... Мы не можем указать какое-либо конкретное время как «источник Бусидо». Можно только утверждать, что Бусидо порожден феодальным сознанием и что его возникновение связано с феодальной системой. Но как феодализм сам по себе сплетен из множества нитей, так и Бусидо обладает запутанной природой».

Основными источниками Бусидо как правил самурайской этики были буддизм и синтоизм, а также учения китайских философов Конфуция, Мэн-цзы и их последователей. Из синтоизма, религии, основанной на анимистических верованиях древних японцев, объектами поклонения которых были многочисленные божества и духи умерших, Бусидо позаимствовал два основных принципа: патриотизм и преданность сюзерену. Буддизм же, с его верой в перерождение душ, дал кодексу самураев главное правило: пренебрежение к жизни и почтительное отношение к возможности и необходимости умереть.

В качестве иллюстрации еще одна история, на этот раз из «Хагакурэ».

«Однажды один из подданных сёгуна пришел к господину Ягю и попросил принять его в ученики.

Господин Ягю сказал: «Похоже, вы человек, добившийся больших успехов в какой-то школе воинского искусства. Сообщите мне название этой школы, а потом мы поговорим о вашем ученичестве». Но тот человек ответил: «Я никогда не занимался ни одним из воинских искусств».

Господин Ягю сказал: «Неужели вы пришли для того, чтобы посмеяться над Тадзима-но-ками? Неужели я ошибаюсь, и вы не учитель сёгуна?» Но человек поклялся, что говорит правду, и тогда господин Ягю спросил: «Если это так, то разве у вас нет какой-то глубокой убежденности?»

Человек ответил: «Когда я был ребенком, я вдруг неожиданно осознал, что воин — это человек, которому не жалко расставаться с жизнью. Поскольку это ощущение хранилось в моем сердце в течение многих лет, оно превратилось в глубокую убежденность, и сейчас я никогда не думаю о смерти. Никакой другой убежденности у меня нет».

Эти слова произвели на господина Ягю глубокое впечатление, и он сказал: «Похоже, мои предчувствия меня не обманули. Самый главный принцип моей военной тактики заключается именно в этом. До настоящего времени

* Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. — М.: Эксмо, 2003.